

1) Был я в министерстве Иностр. Дел: (мои жидки уклонились от хлопот: очевидно, они берегут свое влияние для «своих»). Прощение Ваше о визе получено. Ни мое личное обаяние, ни то, что я сотрудник «La Cause Commune» и «Victorie» (это я выдвинул) не действует. Необходимо, чтобы Ваше местное консульство сообщило, что Вы: а) едете на определенный срок, и с определенными — полезными — намерениями в) имеете в Париже определенное пристанище [не отель, не меблир. комнаты, а у знакомых, давно живущих в Париже] и с) что если Вы раньше бывали в Париже, то с целями почтенными и солидными, напр. занятия в библиотеках, музеях и т. п.

Тогда все сделается механически. Исключения только для евреев.

2) Была у меня М-те Рудениус. И у Бунина. Она очень милая. Все, что возможно, я для нее сделал и сделаю. Она трогательная. Кстати, от нее я узнал, что фамилия моей будущей сотрудницы не Белокопытова, как я писал, а Белобородова. С моей стороны эта ошибка не небрежность, а неведение. В случае, если ей мой невольный промах известен, извинитесь за меня.

3) Деньги я получил. Спасибо. Квитанцию прилагаю.

4) Уффф!.. Стало мне легко, но и страшно. Какую, однако, мы с Вами страшную книгу выпустим! Одно нам и Вам только и есть оправдание:

Кто раз любил, тот понимает
И не забудет никогда...

.....Этих сладких и идиотских жестоких мучений, какие дает брак.

Ваш А. КУПРИН

P. S. И еще раз: мой привет г-же Белобородовой. Очень хотелось бы перевести вместе с нею «Красную комнату».

А. К.

XIII

[Париж]

Дорогой Евгений Александрович

Спасибо за письмо. Сначала отвечаю по пунктам.

§ 1. Я попал в Париж с жадными глазами и обширной душой. Мне доставляет неисчерпаемое наслаждение ходить по улицам, глядеть на вывески, лица, походки, жесты, улыбки, костюмы, прислушиваться, стараясь понять, к быстрым отдельным фразам. Езжу на задках омнибусов и иногда раскрываю рот перед каким-нибудь мраморным или бронзовым чудом, приютившимся где-то в уголке между двумя каштанами. Случайно я проехал через двор Лувра, а в другой раз вдоль Елисейских полей — и я узнал их, не глядя на вывески. Двор Лувра так хорош, что я подумал: вот здесь бы натворил вокруг себя чудес и прилег на минутку отдохнуть среди цветников.

Иногда, идя пешком, я захожу в любую церковь и сижу там один в тишине и полутьме, обоняю запах ладана и холодного старого камня и скольжу глазами по витражам — голубым с фиолетовым, красным с сиреневым... Я толкусь по Зоологическому саду, стою перед балаганами и тирами Монмартра, где часами внимательно слушаю зазывания атлетов и клоунов; мне доставляет наслаждение сесть около Сены на скамье, вечером, и долго глядеть, какие чудеса творят солнце и облака на воде, на небе и на древних крышах... Я впитываю в себя жизнь города и народа. Но, конечно, не как наблюдатель, с записной книжкой, а — извините — как молчаливый обжора. Музеи потом. И как теперь я шляюсь один, так, поверьте, один пойду глядеть и на Прекраснозадую (Каллипига), с тем же чувством, как я когда-то взбирался на пароход «Св[ятой] Николай», чтобы впервые увидеть Толстого.

Но не осуждайте. Среди блужданий я захожу в маленькие кафе и, стоя, спрашиваю у прилавка «un boс blonde» (светлое пиво). С буфет-